

Созвездие волка*рассказ***Владимир
ПОБЕДА***г. Мурманск*

Сидя на снегоходе, Андрей старался не шевелиться: думал, так будет теплее. Вчерашнюю метель сменил крепкий январский мороз, и кожаное сиденье сделалось жёстким и скользким. Солнце висело над макушками деревьев, лучи, пробиваясь сквозь низкие облака цвета вымокшей волчьей шкуры, окрашивали вечер в серый.

«И зачем мне эта поездка?» — вздыхал Андрей, недоверчиво рассматривая чёрные косматые унты на толстой войлочной подошве.

Позади стояли ещё два снегохода. Двухтактные моторы прогревались, перекрикивая друг друга. Мужики крепили к снегоходам волокуши, таскали рюкзаки, металлические канистры с бензином и маслом.

Кто-то похлопал Андрея по плечу. Он обернулся и увидел мужика в куртке апельсинового цвета, тот что-то сказал. «А?! — выкрикнул Андрей, стараясь орать громче галдящих моторов. — Не слышу!» Эмчеэсник, подзывая, махнул рукой и направился к волокушам, но Андрей остался. Он рассматривал рукавицы — плотные, мохнатые, в них невозможно сжать кулак: «Главное — тёплые».

* * *

Тётка Галя жила в деревне на севере Карелии. Просторная бревенчатая изба в четыре окна на фасадной стене, красный угол с Богородицей и кирпичная печь. Ближе к окну — массивный обеденный стол, на который скатерть стелили по воскресеньям или праздникам.

Галя готовила весь день, но племянник приехал из города только к вечеру. «Всё своё, всё здешнее», — приговаривала она, доставая на стол печёный картофель с жареной лосятиной и соленья.

По-соседски на ужин заглянул её друг Николай — рослый, крепкий мужик с широким, как у бурого медведя, лицом и близко посаженными глазами.

— ...Больше двадцати лет матросом, — представившись, сказал о себе дядя Коля.

За ужином тётка расспрашивала Андрея об учёбе, родителях и последних городских сплетнях. Племянник отвечал коротко, по деревенским меркам ел мало, был зажат и сдержан, извинялся, что сможет погостить не больше пары дней. Николай же в тарелку накладывал с горкой, не отказался и от самогонки, а когда раскраснелся и распахнулся, подмигнул Андрею:

— Слушай, чего скажу... — Андрей прищурился. — Моряцкая мудрость! — продекламировал дядя Коля, подняв ладонь: — Не плюй против ветра и против ветра не...

— Не порти мне мальчика! — тут же вступилась Галя.

— Мальчика? — переспросил Николай, оценивающе разглядывая Андрея. Тот неловко заёрзал. Дядя Коля какое-то время молчал, поглаживая щёки. Вдруг взгляд его, словно нащупав берег, вспыхнул от мысли: — А давай-ка я тебя завтра в лес свожу!

— В лес? — поперхнулся Андрей. — А зачем?

— Не теряйся, дело предлагаю! — решительно настаивал дядя Коля и по-отцовски могучей ладонью обнял так, что у Андрея заломило в плечах.

Глубоко вздохнув, тот согласился.

— Ну, какой лес, какой лес!.. — суежилась тётка.

Она не отходила от племянника и приглядывала, чтобы ел с хлебом. Галя не видела Андрея больше года: «Вроде вытянулся с выпускного. Интересно, у него есть подружка?»

— Тётъ Галь, ну отдохните. Посуда за мной, — предупредил Андрей, собирая со стола. — Хорошо, что у вас нагреватель. Холодную воду не переносу. Бр-р-р-р, — передёрнул он плечами.

После ужина пили сборный чай с травами. Слушая Николая, тётка разглаживала складки на белой хлопковой скатерти и больше молчала. Андрей смотрел в окно. Ветер разбрасывал колючий снег, заметал и ровнял. К утру точно не останется ни одной тропинки, ни одной дорожки.

«Хорошо метёт, — волновался Андрей, — слишком хорошо...»

* * *

Дядя Коля ввалился в Галин дом рано утром. Он принёс с собой ворох зимней одежды. Обстучав в прихожей ботинки, шагнул внутрь и свалил обновки кучей в углу. Примерился взглядом к Андрею: «Вроде рослый, должно подойти».

Хозяева ещё завтракали.

— ...Коля, может, чайку?

— Спасибо, Галь, — он присел к столу и продолжил, — на озере изба. До неё километров сорок. На снегоходе это часа два, ну, может, два с половиной.

— Я гуглил — кругом полно озёр... — подал голос Андрей.

— Зря «куклил», — улыбнулся Николай новому слову, — сам увидишь.

Андрей примерял вещи и, глядя в зеркало, не узнавал себя.

— ...В избе рыбаки, трое... а снегоход один. Уговор был: заберу их сегодня. Вот и тебе прогудка, — говорил Николай. Подворачивая рукава свитера, Андрей кивнул. — ...С нами ещё двух мужиков позвал. Бывшего эмчезника и деда. Эмчезника сразу узнаешь, — дядя Коля рассмеялся, откинув голову, — в деревне недавно, но мужик, кажется, хороший. А с дедом внук поедет — тоже в гостях. Будет вас пара, — и Николай вновь рассмеялся, но, как показало Андрею, сделал это напоказ громко. Тётя Галя улыбнулась и поправила причёску. Николай кивнул: — Унты ещё... Хорошие... на волчьем меху. Примерь.

Ощетинившись, словно два диких зверя, унты стояли у входной двери. Казалось, всё им было чуждо, инородно в человеческом доме, и перед тем как надеть, Андрей скорее интуитивно погладил оба. С носком унты пришлись впору.

* * *

Кто-то похлопал Андрея по плечу. Он обернулся. Перед ним стоял эмчезник. Склонившись, тот прокричал:

— Чего сидишь?! Пошли!

Не торопясь, Андрей спрыгнул со снегохода

на плотный наст. В унтах ноги ступали мягко, будто крадучись, и Андрею нравилось это ощущение.

Мужики крепили волокуши к снегоходу, на котором должны были ехать дед с внуком. От мороза защёлка прицепного устройства не поддавалась. Эмчезник подсказывал, как толкать, чтоб ушко крепления заскочило, но дед и Николай шутили и отмахивались.

«Чего это он раскомандовался?» — нахмурился Андрей, глядя на эмчезника.

В стороне скучал невысокий мальчик. «Класс третий-пятый, — прикинул Андрей. — Видно, взрослые отогнали, чтобы не мешал». Андрей молча встал рядом.

— Штаны в сапоги заправьте. Снегу меньше набьётся, — посоветовал ему Артёмка, важно сунув руки в карманы.

Штанины и правда собрались гармошкой над унтами, и Андрею было неудобно. Он ничего не ответил мальчику, но заправил.

— А ты чего? — на этот раз обратился к Андрею дядя Коля. — Дуй к нам! Толкай!

Андрей взглянул на мальчика, но тот не шелохнулся. Вдыхая и цепляя снег носками унт, сам пошёл помогать.

— ...Раз! И раз!

Зашёлка цокнула, но опять застыла, не захопнувшись.

— Ну-кась расступись, — дед пробрался через кучно стоящих мужиков и пару раз ткнул валенком в крепление. — Сгодится. Нам ехать-то!.. Озеро через озеро и — леском. Кабы не зима, и пешком дошёл бы, уж не в лапоточках. Да ты что, и лаптей не знаешь? — прищурился дед, глядя на Андрея. Тот промолчал. Мужики обречённо вздохнули, предвидя длинные стариковские байки. — Тогда все в лаптях ходили... пока не изнаются, и ходили. А делали из этого... как его... Не из липы, не из ивы... Из бересты. Это сейчас всё фабричное, а тогда, ещё при отце, ничего другого не было. Так и ходили. Рубаха холщовая, штаны холщовые — всё своей шепотью, своими руками. А снега... да... снега в этом году богато. Снега полно. Ехать давно пора, уже добрались бы.

Дядя Коля не дал деду снова увести разговор:

— Дело говоришь! Уже пили бы чай в избе, да эмчезник со своими «тянитолкаями»!

Николай с дедом громко рассмеялись. Эмчезник тоже нехотя улыбнулся:

— Ну! — и попросил: — Дай мне сказать, глуши моторы.

Мужики послушались. Казалось, в наступившей тишине стал различим скрип веток деревьев, словно задевающих низкое солнце. Воздух, зажатый меж снега и облаков, точно гудел.

— Лёд встал плохо, — начал эмчезник, — в местах протоков — полыньи. — Мужики молчали. — Поедем осторожно, и не жмитесь друг к другу... — эмчезник посмотрел на Андрея и продолжил: — ...чтоб успеть свернуть, если что. Почувствуете, что вязнете в воде — добавьте газу... и ходу! От берегов — подальше, подо льдом — пустоты, — закончив, эмчезник отошёл к снегоходу, ещё раз проверил волокушу.

— Не бойсь, не утонем, — подбодрил Николай, и все зашумели, но смех был странный: будто фальшивый и нарочито громкий. И Андрей с Артёмкой смеялись тоже.

Стали рассаживаться.

— Ерунда это всё, — сказал Николай. — Ишь, важничает. В конторе, поди, только бумажки перебирал.

— Зачем так? — ответил Андрей, усаживаясь позади дяди Коли. — Эмчезник просто волнуется за нас.

Снегоход Николая встал первым. Следом — эмчезник и дед. От горизонта солнце отделяло два пальца, а значит, до захода оставалось не больше двух часов. Впереди — тысяча озёр, лес, изба, снег... много снега... и снежный горизонт.

— Едем! — крикнул Николай и выжал газ.

Мужики ему ответили. Крикнул и Артёмка, но что — не разобрать. И Андрей, глубоко вздохнув, неожиданно для себя громко выдал что-то протяжное.

Шумно, с рёвом, выбрасывая из-под гусениц рассыпчатый снег, на условленном друг от друга расстоянии мужики выехали на озеро.

* * *

Мчались цепочкой. На ходу мелко подбрасывало, в поворотах кренило. Спина дяди Коли защищала Андрея от ветра. На заснежен-

ных высоких берегах деревья росли неплотно, кое-где виднелись большие серые валуны. Гулкий треск льда, продавленного тяжестью снегохода, заставил Андрея сжать рукоятки с такой силой, что через пару минут пальцы устали и заныли. Он не смог заставить себя ослабить хватку и держался уже через боль.

Дядя Коля прокладывал путь напрямик, но иногда, объезжая острова, приходилось делать крюк. Андрей заметил, что мужики отставали, порой и вовсе пропадали из виду:

— За нами остаётся широкий след. Не должны потеряться, — будто прочитав мысли Андрея, прокричал обернувшийся к нему дядя Коля.

Надрыв мотора и неожиданный сильный рывок. Андрей едва не опрокинулся через спинку, и пальцы, казалось, вот-вот разожмутся. Он прижался к Николаю и зажмурился, как будто даже перестал дышать. Андрей, конечно, не видел, как вода из-под гусеницы с шелестом расходится по сторонам, но полынья, будто тёмное пятно на белой скатерти, различима даже издали. Снегоход проехал по краю, темнеющий след его тонул. Другие снегоходы взяли левее, в сторону от берега.

Сильно жмурясь, Андрей выглянул из-за спины Николая — ветер больно ударил в глаза, но он заметил, сколько там ещё таких тёмных пятен. Всякий раз, когда снегоход с хрипом выдёргивал, Андрей желал лишь одного: лишь бы мотор не заглох, пока они едут по воде.

Вскоре озёра сменились пролеском. Николай сбавил ход, приподнявшись на колено и раскачивая снегоход, он объезжал деревья. На опушке встали.

Лес теперь был за спиной и слева. Дядя Коля заглушил мотор, чтоб не тратить бензин, и слез размять спину:

— Большую часть проехали, — сказал он, выгибаясь в пояснице.

Андрей не знал, где окончательно потерял мужиков из виду, и теперь прислушивался: ничего.

— Может, чаю? — после разминки Николай достал из рюкзака небольшой термос.

Андрей молча кивнул. Не сходя со своего сиденья, он с удовольствием сделал несколько глотков горячего напитка. Наконец сказал:

— Думал, совсем замерзну.

Вглядываясь в лес, Николай обошёл снегоход: — Дело привычки, — он указал рукой в сторону. — Смотри! — На границе леса, шагах в двадцати от них, под кривой лысоватой ёлкой чернело. — Это лось.

Андрей, как будто чуть испугавшись, привстал на снегоходе:

— Как — лось? Не похоже.

Николай, поглаживая щеки, указал на тёмные петляющие следы, тянущиеся к ели и обратно:

— Волки. Съели лося почти целиком. Только шкура осталась, да, может, ещё копыта.

— Волки? — взволнованный Андрей заёрзал на сиденье.

— Здесь бродит небольшая стая, — пояснил Николай, — в том месяце насчитал пятерых. Полярные, — ладонью он указал рост: примерно в пояс, — а лапы — в два кулака! Не трусь. Сытые они: позавтракали хорошо, — приглядываясь, Николай сделал ещё пару шагов по направлению к лосю. Затем вспомнил о товарищах: — Стемнеет скоро. Что-то не едут, не случилось бы чего...

Лёгкий ветерок со стороны леса, как показалось Андрею, отдавал сладковатым запахом. Язык ощущался ему сухой тряпкой — так неприятно, что он даже рот приоткрыл. На спине Андрея проступил пот — и тут же мурашки: смерть лежала в десятках метров от него — нагая, неприкрытая, честная.

Андрей не отводил взгляд от лося. Из виска в висок стучали пугающие догадки: «Как легко здесь умереть. Как страшно». Вопросы следовали слишком простые, но ответов не было: «Как жить за секунду до...? Сам смог бы спастись? А спасти кого-то?»

Наконец Андрей прыгнул со снегохода, и унты провалились почти на треть. С трудом выдёргивая ноги, отбежал в сторону, где было надёжнее. Образовавшиеся от его подошв лунки заполнила вода землисто-коричневого цвета.

Прижавшись к горизонту почти вплотную, солнце расцвечивало лес яркими полосами, но там, где оставался лось и тонули звериные следы, лежала тень.

— Под нами болото, большой воды нет, — заметив тревогу Андрея, начал объяснять Нико-

лай, — и полыньи не бойся. Лёд на озёрах встаёт слоями, как чайный гриб. Видел? Если надломится верхний слой, другие удержат... какое-то время... — Николай насторожился. — Слышишь? — Беспокойной мухой со стороны леса жужжал мотор. — Едут!

Николай схватил рюкзак и, сунув в него термос, уставился на дорогу. Наконец из леса выпрыгнул снегоход. Эмчезник махал рукой и что-то кричал. Дед всё не появлялся.

Наконец крик эмчезника стал различим: «Утопились!!!»

Мигом Николай оседлал свой снегоход, повернул ключ в замке зажигания. Мотор лишь сухо рыкнул и тут же умолк. Он повернул ключ снова: «Да чтоб тебя!..»

Остановившись плотную со снегоходом Николая, эмчезник, по-козы дрожа подбодком, снова проорал: «Утопились!!!»

Николай бросил Андрею перчатки и теперь резкими рывками шнура пытался завести снегоход вручную. Не получалось. Николай откинул крышку мотора: «Только б не свечи!»

Обернувшись к лесу, где по-прежнему темнели останки лося, Андрей замирал от тревоги.

Эмчезник зашёлся кашлем. Он прохрипел несколько раз что-то невнятное и выдал:

— Только носик торчит!

Николай пошатнулся и испытующе взглянул на него:

— Чей, к чертям, носик?

— Волокуши, — прокашлявшись, хрипло прошептал эмчезник.

— А мужики где?

— Так там остались... у волокуши.

Николай сжал кулаки.

Эмчезник заговорил быстро и сбивчиво:

— Прицепное сорвалось... в полынье... как по закону... Я проскочил. Волокуша под водой. Только носик торчит, — он повернулся к Андрею, — крепёж такой.

Сдвинув шапку на самую макушку, Николай, уже не торопясь, в полный ход дёрнул шнур. Мотор охотно заурчал.

— Едем, брат, — устало вздохнул Николай, и Андрей запрыгнул на сиденье.

Не обращая внимания на эмчезника, они развернули снегоход.

— Мужики, ну вы чего?! — жалобно захрипел тот и поторопился следом.

«Какой же он всё-таки дурак», — подумал Андрей, вновь прячась за Николаем.

* * *

Солнце неторопливо переваливалось за горизонт, превращая небо в слоёный пирог из облачных коржей с сиреневым, оранжевым и тёмно-фиолетовым кремом.

Дед с Артёмкой, издали завидев помощь, стали махать, подсказывая, с какой стороны к ним лучше подъехать. Шагах в десяти от берега из полыньи торчал носик волокуши. Чуть левее по самую подножку в воде застрял снегоход деда.

— Поспешил, — развёл дед руками. — Хотел вытянуть сани, да провалился. Провалился хорошо так. Сам чудом не утоп. Эх, мозгов хватило внука у камня оставить стеречь. Вместе бы, верно, потопли.

Подоспевший за Николаем эмчезник, соглашаясь, кивнул и включил GPS:

— Придёт весна — будем знать, где ловить, — пояснил он.

«Он точно не из «кабинетных»», — решил Андрей.

Обходя полынью и всматриваясь, Николай привычно поглаживал щёки.

Эмчезник тем временем сцепился с дедом. Громко спорил, каким узлом вязать верёвку и как тащить. Кричали, краснели, но не толкались. Андрей с Артёмкой стояли чуть в стороне и молча наблюдали.

Вдруг Николай скинул куртку на снег, задрал рукава флиски и, взявшись за верёвку, уверенно произнёс:

— Этот конец ты — к снегоходу... — эмчезник хотел возразить, но Николай не дал ему сказать, продолжил: — Другой конец я сам — к лыжам волокуши.

Эмчезник, не став спорить, лишь махнул рукой, но послушался, выполнил.

Дед стал заводить мотор своего снегохода.

Когда до затонувших саней Николаю оставалось совсем немного, лёд под ним надломился. Разливаясь, вода коснулась и его подошв. И

всё же он сделал ещё несколько шагов, ступил в полынью. Глубина оказалась не более полуметра, от морозной воды дыхание у Николая сбилось. Рывком он дёрнул за собой верёвку, высвободив достаточный для узла конец. Николай опустил руки в ледяную воду и сразу нащупал петлю. Страшный холод сковывал пальцы, боль нарастала. Николай знал: полынья может не отпустить. Верёвка к тому же набрала воды — продеть такую в петли непросто.

— Ничего не выйдет! — кричал эмчезник, расхаживая взад-вперёд.

— Козьи пальцы. — Николай с досадой вынул из воды непослушные окоченевшие руки и растёр их о флисовую кофту.

Артёмка прижался к Андрею боком и, заглядывая старшему в глаза, пропищал совсем тихо: «Дядя, а он что, потонет?» Сжав хрупкую дрожащую ладонь, Андрей старался успокоить мальчика, но понял, что его и самого знобит. От тревоги в животе у него сделалось нехорошо, и ног будто не чувствовал.

Верёвка проходила в петли очень туго. Николай цеплял её крючковатыми от холода пальцами, но сразу проташить конец не удавалось.

— Получилось! — наконец он с силой подтянул верёвку для второй петли. — Ещё раз продену. Узел — и выходжу! — крикнул он мужикам, поджимая стучащую челюсть.

— Колян, пёс с ним! — махнул рукой дед, но двигатель не заглушил.

— Хрен те, — буркнул Николай. Он набрал в ладони колючую ледянистую воду и плеснул в лицо. — Пресновата!

— Не вы-ыйдет! Не вы-ыйдет! — блеял эмчезник. — Пропадёт!

Пытаясь справиться с подступающим к горлу комом, Андрей часто дышал, но воздух как будто застревал в нём. Артёмка жался, ёжился и заглядывал в лицо Андрея. Если бы в тот момент мальчик спросил его о чём-то, он бы не нашёлся, что ответить.

Взгляд Андрея тревожно бегал по сторонам, голова кружилась, вдруг ему померещилось движение на другом берегу. Ветки или тени. Нечто неуловимое мелькнуло меж камней, стволов деревьев и замерло, чего-то выжидая. Всего на секунду, на мгновение Андрею показалось: «Волки. Стая!» Видение пропало. Всматриваясь в лес,

Андрей прищурился, затем опустил взгляд на серое пятно флиски Николая в полынье — точно шкура зверя. Странное чувство овладело Андреем — помесь страха и голода. Стоять было уже невыносимо. Он выпустил Артёмкину руку. Дрожь отступила, и снова он смог глубоко дышать. Андрей сделал несколько лёгких осторожных шагов по направлению к затонувшим саням, вот он оказался на льду и... побежал. Волчьи унты, выбрав путь, ступали мягко, упруго.

— Мальчонка! Куда, мальчонка?! — захлебнулся криком дед.

— Пропадут, — развёл руки эмчезник, но не попытался остановить Андрея.

А тот уже подбирался к Николаю со спины — с подветренной стороны. Приблизившись к полынье, Андрей сиганул в воду. Лёд снова просел. Треск стоял такой, словно разом надломились под весом снежных шапок сотни сухих веток.

Эмчезник замер в напряжении, а дед от волнения пережал газ, отчего снегоход нервно дёрнулся.

Андрей, шумно дыша, выхватил в воде верёвку и стал пытаться протянуть её через вторую петлю. Не получилось. Андрей вопросительно уставился на Николая — на его по-медвежьи широкое лицо в дрожащих каплях. Навалившийся свинцовый холод колотил в самое сердце Андрея: «Быстрее, быстрее! Как холодно! Чёрт, как же холодно!» Руки в панике не слушались.

— Не торопись. Тяни, — негромко и спокойно сказал Николай.

— Я не тороплюсь. Да не тороплюсь я! — губы Андрея нервно выворачивались, лицо казалось чужим.

Минуты в обжигающе ледяной воде тянулись невыносимо долго, время будто замерзло с ними, становилось текучим гелевым густком.

— Готово!!! — наконец радостно сорвался хрипом Андрей.

Николай принялся за узел:

— Пальцы не держат. Здесь помощи. Тяни. Вот так, — еле слышно шептал он Андрею. — Готово!

Закрепив волокушу, Николай первым выбрался из воды и протянул руку Андрею. Тот попытался ухватить её, но задубевшие пальцы не сги-

бались. Попробовал приподнять ногу — отяжелевшие от воды унты казались неподъёмными. Сил не осталось. «Не вылезу», — ударила в голову мысль, и Андрей покачнулся, но Николай мигом успел подхватить его за плечо и вытащил на снег.

Эмчезник подскочил к своему снегоходу и запрокинул защитный кожух двигателя — мужики прижали ладони к горячему металлу. Пальцы приятно покалывало. Затем подступил жар. Хотелось замереть совсем, но дрожь мелкими спазмами одёргивала тело. Дед выдернул свой снегоход из воды и протащил подальше — где прочнее снежное покрытие.

Носик волокуши совсем скрылся в полынье, но теперь было не до саней.

— Костёр! — командовал эмчезник и сам бросился к лесу. Следом побежал Артёмка. — Хвойные ломай! — слышался крик. — От них жар!

— Галя точно убьёт обоих, — хмуро подытожил происшествие Николай.

— Не узнает, — Андрей улыбнулся и кивнул в сторону леса, — толковый дядька.

Николай согласился.

Не замеченная мужчинами тень стремительно пронеслась через лес и спряталась за горизонт. Оттуда, вздымая широкие ноздри, на расстоянии как будто пробовала людей на вкус.

Последний луч рано заходящего зимнего солнца, алый, как артериальная кровь, окрасил снег, после чего почти сразу окрестности затянуло серым.

* * *

Ближе к вечеру вся компания добралась до Острова.

На берегу им встретился рыбацкий снегоход. В волокуше с высоким бортом маялись две лайки, привязанные за шеи грубой верёвкой. Почувяв людей, собаки оживились: они натягивали привязь, радостно стучали хвостами о стенки саней и запрокидывали морды.

Петляя по узкой тропе, мужики поднялись на макушку острова к небольшой угловатой избе с покатою крышей. «Место выбрали, где леса больше, — пояснил дед Андрею, — это чтоб проще строить».

Полумрак единственной комнаты наполняла

смесь из запахов чеснока, табака и пота. В протопленной чугунной печи тлели угли.

Рыбаки угостили прибывших горячей ухой и терпким чаем из эмалированных кружек.

— Рюкзак в санях. Там колбаса к чаю. — Дядя Коля махнул Андрею на дверь.

— Я мигом, — тот схватил куртку и выбежал на улицу.

Тропа одна — заблудиться невозможно. Жёлтое пятно окна вскоре скрылось за деревьями.

Андрей выключил налобный фонарик: темнота вокруг как будто замерла. Сделав ещё пару шагов, он вытянул перед собой руку. Она погрузилась в обволакивающую темень — холодную и мёртвую, как космос. Андрей снял рукавицу и повторил. «Нашёл в чью пасть совать», — отчего-то подумалось ему; мысль током пробила воображение, и он отдернул руки, тут же включил фонарик и замер.

Пара горящих издалека приметных глаз неподвижно смотрела на Андрея со стороны озера. Потом от темноты рывком отделилась тень и легко, бесшумно понеслась к нему навстречу. Волк?..

Искать по карманам нож было бесполезно. Эти глаза всё ближе и ближе — светящиеся, лунные. «Только не в шею. Не хочу быстро отключиться», — только и успел подумать Андрей.

Ещё мгновение — и в круг света от фонарика выскочила собака. Возбуждённая лайка, волоча за собой огрызок верёвки, пробежала к избе. «Странно, — Андрей проводил её взглядом, — страха совсем не почувствовал».

Спустя некоторое время Андрей вернулся в дом с рюкзаком, за которым его отправлял дядя Коля.

Мужчины разговаривали — было о чём говорить после таких приключений днём.

Артём выглядел взволнованным, он перебирал пальчиками по столу и был излишне разговорчив:

— Дед, а деда... — позвал мальчик.

— Ну чего? — не сразу откликнулся тот.

— А вот помнишь, в прошлом году я приехал и ты руку вот так поднял? — Артёмка вытянул правую руку вверх ладонью к деду. — Это зачем?

— Дак это я здоровался, — ответил дед.

Артёмка продолжал:

— А когда уезжал я потом, ты так же руку под-
нял. Это зачем?

— Прощался я так.

— Деда, а в чём разница?

Дед закряхтел, устало почесал затылок. Было
понятно, что сейчас ему не до внука.

«Пора выручать», — решил Андрей. Он подсел
поближе к мальчику, приобнял его за плечи и,
хитро прищурившись, заглянул ему в глаза:

— Моряцкую мудрость хочешь? — спросил
Андрей, совсем как Николай накануне.

Артёмка, поспешно кивнув, притих.

Спустя пару часов дед с внуком спали на
раскладушках у печи. Дядя Коля — рядом на
полу в спальнике нараспашку. Он тяжело ды-
шал, раскинув отёкшие руки в багряно-крас-
ных пятнах. Остальные мужчины ещё не легли
— так и сидели за столом, перешёптываясь,
чтобы не разбудить спящих.

Андрей устроился на дощатом настиле, покры-
том ношенными пуховиками и ватниками. Засы-
пая, он слушал, как под тёплой избой тихонько
скребут, шуршат мыши, и от этих умиротворяю-
щих звуков глубже проваливался в сон...

Слепящий свет фар прокладывал ему путь
домой, а вокруг простирался удивительный
мир. Проносящиеся мимо картины казались
нездешними и как будто безжизненными: жел-
товато-коричневые — с Марса, бледно-оран-

жевые — с Юпитера, темно-синие с Нептуна.
Андрей рассматривал их, они даже казались
ему знакомыми — когда-то виденными. За ру-
лём межзвёздного снегохода он врвался в но-
вые миры, на другие планеты. Приподнявшись
над сиденьем, Андрей старался разглядеть и
сохранить в памяти каждую деталь. Ворот
куртки его распахнут. Шарф сорвался с шеи и
улетел. Это был его вызов природе, целому ми-
ру, бескрайнему космосу!

Вспыхнувшая на небосводе красавица Вене-
ра манила своим светом. А вокруг летели круп-
ные хлопья снега, какие-то ветки, камни и
мгновенно исчезали во мраке. Андрей чувство-
вал такую радостную лёгкость, что хотелось
смеяться, и он захохотал.

А мгла подступала ближе, поглощая всё вок-
руг. Вот она уже добралась до Андрея, косну-
лась его унт — и они будто ожили: взъероши-
лись, показав белоснежный звериный оскал, и
превратились в пару полярных волков. Теперь
уже волки неслись рядом с Андреем, они рыча-
ли и тявкали. Вновь — полынья. Ходу! Андрей
завопил. Человеческий крик перешел в вой, и
сама ночь отозвалась низким вибрирующим
звуком. Молодой вожак уводил стаю домой, в
созвездие волка.

□

Владимир БЕЛОШЕЕВ (псевд. — Владимир ПОБЕДА)

пробует себя в прозе и поэзии,

занимается переводами.

Лауреат региональных и межрегиональных

литературных конкурсов,

а также литературного конкурса «Северная звезда-2020»

в номинации «Проза».

Живёт в Мурманске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

